

Наука подвержена объективным ограничениям

*А.И. Хвыля-Олинтер**, кандидат юридических наук

Хочу высказать свою точку зрения на доклад и содоклад.

Я не ставлю задачу детального изложения какой-либо позиции, или развернутой критики. Это всего лишь краткие комментарии.

В целом оба представленных доклада имеют, на наш взгляд, интересное, емкое и актуальное содержание. Видно, что они подготовлены профессионалами в высшем смысле этого слова. Однако при внимательном их изучении возникает ряд тревожных вопросов.

Само название цикла поднимает проблему гуманитарности и метауровня понимания категории «гуманность». А это неизбежно требует анализа как феноменов «человек» и «наука», так и некоторых иных (что, исходя из своих целей, и предпринимают докладчики). Указанные феномены проявляют широкий спектр комплексных свойств. Поэтому очевидно, что сей анализ станет объективен и социально полезен лишь тогда, когда в нем будут использованы основополагающие знания, опыт и методологии главнейших видов общественного сознания, оперирующих с когнитивными процессами. Подчеркиваем — всех, а не предпочтенных по каким-либо причинам (при затенении, игнорировании или извращении других видов). В противном случае модели рассматриваемых феноменов окажутся неполными по существу, что приведет к критическому накоплению системных ошибок в разработке дальнейших действий, что мы, кстати, уже наблюдали в «советские» времена.

* Священник Андрей Хвыля-Олинтер, кандидат юридических наук, доцент БелГУ, проректор по научной работе БДПС, ответственный секретарь Комиссии по духовной безопасности Экспертного совета по национальной, миграционной политике и взаимодействию с религиозными объединениями при полномочном представителе Президента РФ в Центральном федеральном округе.

Сразу обращает на себя внимание то, что в докладе В.М. Межуева упор делается на индивидуальность человека, при этом затеняется такое фундаментальное сверх-космическое, трансцендентно-имманентное явление как «личность» (это свойственно в определенной мере и докладу С.С. Сулакшина). А ведь любит, общается, познает, творит, жертвует, прощает и т. п. именно личность, а не индивидуальность (которая означает качество, во многом противоположное личности: отделенность!). Весьма опасно строить социально-политические проекты (тем более, гуманитарные) при таком подходе.

В разделе 3 написано, что «своим возникновением гуманитарные науки обязаны сделанному гуманистами Возрождения «открытию человека»... Далее идут рассуждения о небе и земле... Однако можно весьма аргументировано продемонстрировать и доказать, что такое «открытие человека» осуществлено и обосновано христианством задолго до Возрождения, в так называемые (с легкой руки некоторых иудеев) «темные века» — т. е. в Средневековье. Именно тогда родилось сверх-космическое, абсолютное понимание феномена «человек», а также абсолютность его свобод и прав. Что сделало, в частности, неприемлемым рабство как таковое. Напомним, что раб, прежде всего, есть движимое имущество. Именно так определяется невольник в священных законах исламского Шариата.

Слегка пожурив «излишнюю сциентизацию» (раздел 4) В.М. Межуев в разделе 7 пытается рекламировать позицию сциентизма. Он пишет, что «истины науки одни и те же для всех времен и народов», умалчивая об аксиоматической природе научных знаний (т. е., непреодолимой относительности и изменчивости научных истин). Согласитесь, что истины квантовой физики «несколько» отличаются от истин античной механики.

В разделе 11 автор призывает к «идеологическому плюрализму». Однако как же быть с «идеологиями» сатанизма, фашизма, терроризма, экстремизма, людоедства, инквизиции,

манифеста Варнашрамы, коммунистического манифеста и т. п.? То есть границу между приемлемым и отвергаемым все-таки проводить придется, неизбежны ограничения и запреты. Возникают проблемы оценки, критериев, выбора, предпочтения. Встает проблема эталона, базиса и метрики. Абстрактная и удаленная от реальной жизни в этой части позиция автора нуждается в доработке.

Неубедительна также апологетика права в разделах 12 и 13. Здесь, все-таки надо различать право и закон, а также правовые и иные социальные регуляторы общественных отношений. Известно (антропология права, сравнительное правоведение и т. п.), что в основе любых правовых систем лежат те или иные религиозные и мировоззренческие установки. Причем религиозные установки явно или неявно присутствуют обязательно (даже в атеистических правовых системах). Известна внутренняя конкурентность реальных правовых комплексов. Известно, что даже самые совершенные правовые системы регулируют не более половины общественных отношений и процессов. Остальное — сфера традиций, обычаев, обрядов, привычек. То есть, прежде всего, тех или иных вероучений, имеющих свои собственные опыт, знания, методы. Не только мистические, но и сугубо рациональные. Да и сама наука изучает не только количественные, но и качественные явления и процессы. И когда автор пишет о том, что «никакой иной ценности, кроме рационально разработанной правовой системы, наука не может предложить государству», пишет о «нормах и правилах, устанавливаемых рационально-правовым путем», или — «то, что основано на традициях и вере, ни в какой науке не нуждается»(!), то опять вспоминаются наиболее одиозные периоды «советских» времен. Вспоминается также трагический крах СССР и его идеологии. История повторяется?

Доклад С. Сулакшина имеет заметную практическую направленность. Но и в нем просматриваются следы той же позиции. Например, в перечне гуманитарных наук отсутствуют теология и религиоведение. Религиозные научные дисципли-

ны вообще проигнорированы. А ведь они существуют и интенсивно развиваются! Заметна склонность к сциентизму, например: «точные науки легко проверяемы, и в пределе в них не может быть ошибок». А как же многочисленные кризисы всей современной технотронной цивилизации (экологические и т. п.)?

Идеология в целом относится автором второго доклада к «вненаучной категории». Но ведь в общем виде идеология — учение о понятиях, представлениях. Разве допустимо отдельные случаи извращений обобщать на все социальные явления? Так и саму науку, если исходить лишь из многочисленных феноменов типа отрицания метеоритов Парижской академией наук, многовекового поиска «вечного двигателя», лысенковщины, «научного национал-социализма», «научного коммунизма», обожествления информации или материи и т. п., можно отнести к «вненаучной категории». Автор определяет науку как деятельность, в частности, по «опережающему отражению, преобразованию мира». Сильно заявлено! Разве какой-либо ученый уже расположился со своими сверх-инструментами вне мира, чтобы действительно, а не декларативно, заняться его преобразованием, например, поменять мировые физические константы? В докладе также используются термины «миростроительство», «все содержание разумной человеческой деятельности», «модель мира» и т. п.

Положение затрудняется тем, что в обоих докладах заметна некоторая односторонняя авторская категоричность умозаключений. Например, в первом докладе (раздел 2., пункт 3) заявлено о доказательстве (?) «отсутствия гуманитарной составляющей...».

В обоих докладах затеняется проблема духовности. А ведь духовность есть универсальное свойство личности, основа всего, что относится к самореализации и мотивации человека. Духовность и человечность тесно взаимосвязаны. Духовность есть влечение человека к тем или иным высшим ценностям и смыслу — к какому-либо **Идеалу**, стремление

человека переделать себя, приблизиться к этому **Идеалу** (уподобиться) и, тем самым, одухотвориться, внутренне освободиться от обыденности. Она есть также основа и главная причина любой веры и религиозности. «Духовность» связана, прежде всего, с идеалами духовного и нравственно-этического порядка. Они определяют не только ценностные приоритеты жизни всего общества, но и закрепленные позитивные формы их репродукции, транслирования и сохранения как Святыни во всех проявлениях жизни народа.

Также в обоих докладах просматривается пренебрежительное отношение к вере, которая есть, прежде всего, интимное внутреннее самоопределение, позиция каждого человека в духовно-нравственном и религиозном пространстве. А какую-либо подобную имманентную позицию человек выбирает уже с детства при поиске для себя тех или иных ответов и объяснений на важнейшие вопросы, проблемы и загадки, относящиеся к духовно-нравственной и религиозной сфере. Позиция эта может изменяться в связи с разными объективными и субъективными обстоятельствами, однако она всегда имеется и всегда конкретна (даже если неосознанна). Причем непризнание наличия у себя веры также есть лишь одна из ее бесчисленных разновидностей. К сожалению, в связи с массовым духовным невежеством, в нынешней России довольно много людей, которые считают себя неверующими или не понимают, во что, собственно, они верят.

Существуют различные понимания феномена веры в светском и сакральном ее восприятии. В ложно-спекулятивном и обыденно-светском смысле она понимается как разновидность убеждения, уверенности и доверия; полная и безоговорочная уверенность в том, что определенные идеи, события, явления и т. п. являются истинными. В политологическом, социологическом и теологическом смысле ее понимают как определенную позицию в духовно-нравственном пространстве, избранную каждой личностью в процессе ее духовного внутреннего самоопределения. По-

этому не бывает личности без той или иной веры. В теологическом и религиозном смысле это одна из основных форм проявления духовности у всякой личности, следствие действия духовности как таковой. В обобщенном религиозном смысле вера определяется как внутренняя духовная связь, добровольное духовное общение, взаимодействие личности с тем или иным Объектом поклонения; получение таким путем какого-либо духовного знания, умения и опыта. Существенно то, что многочисленные разновидности веры и религии весьма различаются друг от друга в своем отношении к морали, нравственности, праву, власти, государству, обществу, семье, человеку, природе и миру в целом. Как же можно разрабатывать социальные проекты, «не замечая» феноменов духовности и веры?

К сожалению, при суетном ознакомлении с миром человеческий ум порождает массу заблуждений, в том числе о вере и духовности. Критически относящаяся к вере религиозная философия отмечает наличие феноменов мысли рационально знающей и мысли познающей, которые создают всяческие искусственные объекты поклонения. Но существует еще мысль верующая, решительно отличающаяся от первых двух. Например, апостол Павел пишет: *«Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не раяли бы Господа славы. Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все пронизает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными*

от Духа Святого, сообразя духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1Кор. 2.6–16.). «Мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-

Художник Сапожников

нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1Кор. 8.1–3.).

В своем негативном отношении к феномену веры и духовности отдельные люди иногда забывают несколько значимых обстоятельств:

- подавляющее большинство людей (более 90%) являются по результатам объективных научных исследований верующими или склонными к вере;
- в истории человечества практически все (за редчайшим исключением) сообщества и цивилизации считали веру одним из своих неотъемлемых столпов;
- никем не найдено научное доказательство того, что Бога нет;
- имеются достаточно весомые светские научные указания на то, что с большой степенью вероятности Бог существует;
- в конечном итоге признание или не признание существования Бога есть только вопрос веры;

- вера радикально отличается от уверенности, ибо является основой любых подлинных (при условии истинности веры) или ложных духовных знаний и опыта;
- с точки зрения последствий для личного бытия цена возможной ошибки верующего в случае, если Бога нет, неизмеримо меньше цены ошибки атеиста в случае, если Бог существует.

Складывается ощущение, что авторы обоих докладов обошли вниманием то, что существует множество принципиально различающихся и несовместимых между собой религий, вер и духовностей, что любой человек принадлежит к какому-либо элементу этого множества, что игнорирование этого обстоятельства в гуманитарных науках по меньшей мере безответственно. В этом множестве трудно разобраться без специальной подготовки.

В связи с тем, что заявленная общая тема семинара: «Гуманитарная наука и высшие ценности Российского государства (проблемы генерации и имплементации)», несомненно, затрагивает не только проблему науки, но и проблему религиозности. Кратко опишем лишь некоторые, на наш взгляд, ключевые моменты в их изучении.

Наиболее важной характеристикой вероучений, по нашему мнению, следует признать характеристику их Объекта поклонения, т. е. принятого Идеала. Среди весьма многообразных вариантов выбора этой характеристики выделяются два основных подхода.

В разных вероучительных и мировоззренческих системах тот или иной принятый идеал может замыкаться в рамках плоскости «бытие — небытие» или обращаться к трансцендентному сверхбытию.

Одним из серьезных недостатков первого подхода является приписывание самодостаточности, самобытности Вселенной (Миру, Космосу), реально состоящей из совокупности только лишь не самодостаточных объектов (не имеющих в себе источника своего бытия, существования и зависящих в этом и во многом ином от других объектов).

В таком подходе не раскрывается (или умалчивается) первопричина всеобщего закона причинности и бытия как такового. Поэтому он чаще всего обречен на принятие деструктивных схем повторяющихся циклических вращений бытия в причинно-следственных рядах, приводит к признанию симметрии добра и зла с допустимостью того и другого, отрывает идеал от нравственности, а, следовательно, деструктивен по своей сущности.

К одной из разновидностей первого подхода относится атеизм, т. е. вера в отсутствие Бога (в не-бога). Атеизм есть одна из аксиоматических (принимающих свои основы без доказательств как аксиомы) систем и поэтому сталкивается с серьезными непреодолимыми гносеологическими трудностями при попытках обоснования своих ключевых мировоззренческих и этических позиций. Например, в трактовках причин возникновения и существования материи, Вселенной, природных законов, жизни, сознания, разума, нравственности, смысла бытия человека и человечества и т. п. (в 1931 году австрийский математик К. Гедель доказал принципиальную неполноту подобных систем).

Более того, в стратегическом отношении атеизм способен и вынужден ставить лишь недостижимые утопические цели и идеалы, собою как бы подменяющие самодостаточный и самобытный Абсолют. Затрачивая гигантские ресурсы на кажущееся приближение к ним, спекулятивно используя открытия науки и выдвигая внешне притягательные для масс лозунги, атеизм и соприкасающиеся с ним оккультно-мистические направления постоянно испытывают желание для своего самооправдания создавать очередную «Поэму о природе вещей», новое «Изложение системы мира», новоиспеченную модную «синергетическую Вселенную», «информационную Вселенную» и т. п. — непрекращающийся ряд искусственных «абсолютов».

При оценке атеизма нельзя забывать о непреодолимых внутренних противоречиях диалектического материализма. Например, согласно этому мировоззрению, материя

существовала всегда и всегда развивалась (в рамках атеизма невозможно даже представить, что она вдруг откуда-то появилась). То есть она прошла уже до нас бесконечную эволюцию, в соответствии с диалектическими законами осуществившуюся в течение бесконечного прошлого времени. А, следовательно, материя должна быть в наше время бесконечно совершенна в каждой точке пространства. И если этого нет, значит, вовсе не было бесконечного прошлого и вечной материи. Отсюда, по правилам симметрии, не будет и бесконечного будущего. Значит, нет саморазвития материи как универсального закона. В крайнем случае, допускается унылое бесконечное однообразно повторяющееся движение по кругу (опять же, непонятно, отчего?). Но тогда исчезает стратегический смысл жизни и всех деяний людей. Потому что все вещи погибнут, все люди умрут, и все исчезнет. Атеистический материализм каждому, конкретно живущему сейчас, предлагает «светлое будущее» того человечества, которое все равно по его учению неминуемо исчезнет. Так атеисты утрачивают ценность самих себя. Эволюционный полет заканчивается катастрофой, небытием. Само по себе человечество не может стать «богом». Если бы это было возможно, то подобный «бог» уже давно был бы, явившись из бесконечного материального прошлого. Мы наблюдали бы сейчас нескончаемую толпу уже бесконечно существующих и относительно новых «богов».

В последнее время стали известны неопровержимые доказательства несостоятельности так называемой **«теории эволюции»** при наличии процессов адаптации видов. Сама по себе эволюция, как внутривидовое приспособительное явление, очевидно, присутствует. Кстати, Библия на это обстоятельство ясно указывает. «Теория эволюции» — спекулятивное построение, не основанное ни на одном объективном подтверждении появления нового биологического вида из какого-либо иного за всю историю нашей планеты. Выдумка, претендующая на научность, и ничем реальным не

подтверждаемая. Но зато противоречащих ей фактов много, в каждом живом существе встречающихся с избытком. В частности, органы, обладающие так называемым «порогом сложности». Они способны правильно функционировать, лишь уже имея определенную сложность, а до этого их зачатки часто не только бесполезны, но даже опасны для животного. Поэтому еще до достижения «порога сложности», до обретения целесообразности эволюция неизбежно уничтожит такое вредное новообразование.

Многим знакомы научные открытия, указывающие на удивительное и тончайшее равновесие физических процессов в мире, ничтожное нарушение которых мгновенно истребит жизнь на земле. Есть и другие широко доступные очевидные факты, обличающие атеизм. Любой желающий может отчетливо различить подлинную науку и псевдонаучные, пропитанные идеологиями гипотезы атеистов и подобных им.

В связи с тем, что атеизм склонен к утопизму, обычно прикрывается наукой и даже пытается причислять себя к ней, уместно кратко рассмотреть проблему ограниченности научного познания.

Наука в своих возможностях познания мира имеет четыре вида объективных ограничений:

- **Методологическое.** Это наиболее серьезное, принципиально непреодолимое ограничение, абсолютный порог. Оно вытекает из самого определения науки, как такого вида общественного сознания, которое ищет, изучает и использует для выгоды людей закономерности (умозрительные, естественные, искусственные). В силу отмеченного обстоятельства науке не доступно постижение сущности и всей полноты каждого единичного объекта. Это касается не только трансцендентного Бога или мира в целом, но и любых конкретных материальных вещей и процессов, а также их совокупностей. Ибо в своей безраздельной индивидуальности каждый объект абсолютно неповторим (хотя и связан со всеми иными и содержит схожие детали с по-

добными объектами), в частности, тем, что занимает свое определенное место в пространстве и времени, имеет свою субъективную историю. Поэтому его в целом невозможно описать каким бы то ни было законом и никакой совокупностью законов.

- **Историческое.** Это асимптотическое ограничение вытекает как из относительности любой научной истины, так и из относительного исторического несовершенства каких угодно научных средств и методов. Кроме того, здесь сказывается конечность любых ресурсных возможностей человечества во все времена вплоть до гипотетического бесконечного будущего.

- **Этическое, моральное и нравственное.** Это ограничение направлено против безнравственных исследований, в частности, на живых людях или создающих угрозу жизни человека, биосферы, существованию мира.

- **Правовое.** В каждом обществе обязательно существуют те или иные правовые ограничения на действия людей, препятствующие нарушениям, скажем, здоровья, прав и свобод каждого гражданина или, хотя бы, некоторых групп граждан (например, властных элит).

Поэтому несостоятельны все атеистические псевдонаучные рецепты движения всего человечества или отдельных социумов к всеобщему счастью. Подлинная наука не занимается спекулятивными идеологическими утопическими измышлениями, она **смирена** перед бесконечным океаном непознанного в каждом внешне простом явлении и перед Богом. В действительности **объективная метанаука фактически смыкается с научным православным богословием.** Недаром православный святитель Лука (Войно-Ясенецкий), обращая внимание на интуицию и духовность, говорил, что «знание больше, чем наука». Науку можно определить как средство отображения людьми всеобъемлющей мысли Творца в рациональную ограниченную форму, *«дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разума, для познания тайны*

Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2.2–3.).

В свою очередь атеизм лишен смирения и, чаще всего, проявляет себя не только как недомыслие, самомнение или невежество, но и как открытое или маскируемое фанатичное богоборчество, смыкающееся с сатанизмом.

Весьма опасно то, что атеизм стремится создавать будто бы цельные мировоззренческие системы, в том числе и в духовно-нравственной сфере. Тогда духовности он приписывает профанные источники, вплоть до последствия функционирования внутренних желез. А нравственность объясняет той же «теорией эволюции», утверждающей, что сложные системы самопроизвольно возникают из якобы простых (предположение, конечно, примитивно доходчивое, но нигде не наблюдаемое реально). Однако, несколько перефразируя известный парадокс познания систем, можно сказать, что для появления системы сложности «N» необходимо уже существование системы сложности «N+1». На практике везде именно это и наблюдается. Так называемые «самоорганизующиеся» системы (хотя их математические модели могут быть и достаточно незатейливы) тем не менее, в жизни возникают или под влиянием человека — экспериментатора, или в результате действия необъятного числа физических закономерностей Вселенной, или по вмешательству еще более могущественных сил. Атеистам удобно забывать, что любые научные методы познания и открытия есть лишь небольшая часть нескончаемо сложной и многогранной действительности.

Второй подход признает наличие **самодостаточного трансцендентного Абсолюта**. Здесь деструктивная линия, прежде всего, связана с отвержением личностного начала в Абсолюте, что ведет к пренебрежению бытием (вплоть до отрицания материи), увлекает к сверх-небытию и обезличенной гибели принявшего такое учение человека. Данная линия отвергает в Абсолюте свойство самоосознания, рефлексии. В ней, в пределе, разъединяются идеал и нравственность.

Религиозные системы, возникающие на основе принятия «сверх-личностного» или «трансперсонального» идеала, не могут выйти за пределы безличной формальной логики, в соответствии с которой действует наш рассудок. Поэтому даже в своих субъективных ощущениях сверх-бесконечности пришедшие в подобные культы люди остаются, на самом деле, в земном мире.

Другим источником деструктивности в этом подходе являются вероучения, признающие личностное начало в Абсолюте, но ставящие его выше этики, морали и нравственности, превыше добра и зла. Поэтому здесь идеал весьма часто становится источником вседозволенности, безнравственности и правонарушений, махрового национализма, экстремизма и иных деструктивных качеств.

Созидательная духовность обязательно связана с самодостаточным самобытным (например, Ин. 5.26.; Ин. 11.25.) Абсолютом — Личностью, Святостью, Любовью, Добром, Светом, Истиной и Правдой, т. е. с абсолютизацией и объединением в Идеале полной совокупности позитивных духовно-нравственных качеств.

В религиозной высшей системе перечисленные категории созидательной нравственности должны быть самодостаточным качеством Идеала (например, **Ин. 1.5.**), принадлежать Ему вне зависимости от чего-либо, всегда проявляться (без всякой необходимости) в мире и творить из «**ничего**» положительную сущность каждого бытия. Любой акт любви и творения, если он сделан Идеалом, в такой системе не должен быть обусловлен чем-либо тварным (сотворенным) или существующим помимо и вне Идеала. Иначе возникает подчиненность Идеала какому-либо бытию. Принятие подобной созидательной духовности не является следствием искусственного уподобления Бога человеку, т. е. антропоморфизма. Оно вытекает из признания Бога как Духа и Личности, как высочайшего источника этики, морали и нравственности. Такой тип духовности будет весьма правосознателен и высоконравственен, государственно-образующим и культуротворческим.

Другим главнейшим критерием оценки вероучений следует назвать их **отношение к личности**.

В наиболее совершенных религиозных системах любая личность воспринимается как созданная и существующая по образу всеблагого Бога, имеющая ценность большую, чем целый внеличный мир (космос, вселенная), предназначенная для участия в решении вселенских задач. Причем Бог в таких системах не только предоставляет личности в ее свободном волеизъявлении все необходимые средства для ее спасения от разрушения и смерти, но и Сам жертвует Собой для этого путем прямого полноценного взаимодействия божественного и человеческого (Боговоплощение — Богочеловечество).

Через эту подлинную Жертву человеку даруется Богом новое качество, — он исцеляется и становится бессмертным подобием Бога. *«Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес» (Ин. 6.53–58).*

Уникальность, цельность и неповторимость каждой человеческой (и любой иной) личности показывает невозможность измышлений о реинкарнации (перевоплощения, переселения душ, метемпсихоза). С богословской точки зрения отрицание реинкарнации неизбежно следует из признания Бога не только как Абсолюта и Истины, но и как постоянно действующей сверх-Любви. В вероучительных системах, использующих идею реинкарнации, снижается ценность каждой конкретной личности, особенно не принадлежащей к кругу избранных. Возникает каста или социальный слой отверженных людей, не имеющих права на

жизнь. Поэтому вероятность правовых и нравственных нарушений в подобных культах резко увеличивается, а понимание принципа ненасилия извращается. Примером могут быть оккультно-мистическое учение Е. Блаватской (в свое время взятое, как известно, на вооружение А. Гитлером) или вероучение современных западных кришнаитов.

К весьма важному критерию оценки вероучения относится **характеристика его основателя.**

Кто конкретно, как и почему научил первых адептов культа? Трансцендентный Единый Бог, ангел, космический разум, один из многих богов или человек? Если последнее, то кто он — харизматическая личность, обманщик, больной или правонарушитель? Какова подлинная биография основателя? Были ли в его жизни нарушения нравственности и закона? Существенно, откуда и от кого у человека — основателя вероучения полномочия и власть совершать культовые обряды и таинства, утверждать преемственность, трактовать или изменять ранее написанные вероучительные книги и практику.

В этой связи представляется, что наиболее совершенная религиозная система должна быть основана самим Идеалом-Богом, Истиной и Любовью, минуя посредников и посланников, с достоверным проверяемым набором исторических, теологических и иных фактов, пророчеств, свидетельств, документов.

С искренним уважением и христианской любовью.